

Вовка сидел на Сережиной кровати и говорил утешительным тоном: «Да ладно тебе, Серый, будь мужчиной, в конце концов! Мне вон тоже операцию аппендицита, когда я совсем маленьким был, делали, так я вообще ничего не помню. Один только шрам остался. Хочешь, покажу?»

Он встал, задрал рубаху и уже хотел начать расстегивать ремень, чтобы показать оставшийся от операции небольшой светло-коричневый рубец с правой стороны, как Сережа опять скривил губы и начал всхлипывать.

Вовка оставил ремень в покое, махнул рукой и уселся опять на самый край больничной кровати.

— Ну, Серый,— опять начал уговаривать он,— ну, хорош нюни пускать! Говорю же тебе, это совсем не больно. Все же под наркозом делают...

— Так я, это, наркоза... тоже боюсь,— всхлипнул Сережа, вытирая ладонью глаза, из которых текли слезы.

Вовка, который своей операции даже не помнил, потому что было ему на тот момент всего два с половиной года, на какое-то мгновение замешкался. А потом вновь принялся подыскивать слова для своего, совсем упавшего духом, друга.

— А главное, знаешь,— дрожащим голосом внезапно перебил его Сережа,— в хоккей теперь уже точно не разрешат играть.

— С чего ты это взял? — Вовка еще не потерял надежды уговорить Сергея не бояться предстоящей операции.— Может, через год уже все можно будет.

— Не-е-е-е... — отчаянно затряс тот головой.— Мне уже врач сказал, что придется чем-то другим заниматься. И он заплакал уже в полный голос.

— Так это же хорошо! — Вовка так и подскочил на кровати.— Будешь со мной вместе на баскетбол ходить! Там, знаешь, как здорово? И тренер у нас нормальный, и со взрослыми мы тренируемся. И вообще, знаешь, этот спорт, как его... — Вовка на мгновение задумался, а потом по слогам попытался произнести:— М-ма-ло-т-трам... нет, ма-ло-трав...

— Малотравматичный,— подсказал ему Сережа.

— Во! Малотравматичный,— кое-как проговорил Вовка.— Так что давай заканчивай слезы лить, а то мне идти надо, математики навалом задали.

— Вовчик,— Сережка уже устал плакать и попытался принять сидячее положение,— а ты после операции придешь?

— Конечно, приду,— заверил друга Вовка,— только ты давай прекращай ныть, как девчонка. Что ты не мужик, что ли? — снова пустил он в ход свою излюбленную фразу.

— Мужик,— вздохнул Сережа, у которого слезы еще не высохли окончательно.

— Ну, вот и не реви,— поднимаясь с койки, опять произнес Вовка.— Пошел я, пока.

— Пока,— вяло отозвался Сережа.

— Ты только приходи еще завтра тоже,— словно вспомнив что-то, крикнул он вслед другу.

Но дверь в палату уже закрылась.

Хоккей, с которым после операции, судя по всему, суждено было расстаться, в общем-то, Сережу и подвел. Получив сильный удар шайбой по колену во время тренировки, он едва удержался на ногах, и тут же, почувствовав сильную боль, широко открыл рот, словно старался заглотить побольше воздуха и этим облегчить свое состояние.

Взрослые парни, присутствовавшие на тренировке юниоров, перескочив через борт площадки, схватили Сережу под мышки и волоком утащили со льда.

Потом его осматривал врач, нажимая попеременно на разные места на коленке, а Сережка то морщился от боли, то начинал вскрикивать. Тренировка в тот день для него закончилась, тренер позвонил родителям, и приехавший отец забрал Сережу домой.

Тогда мальчик еще не знал, что и лед, и всю свою хоккейную команду в сборе он видит в последний раз. Нет, потом он, конечно, будет ходить на игры, переживать за ребят, но все это будет только с трибун. Потому что из игрока он превратится в болельщика.

... Боль в коленке не прекратилась ни на следующий день, ни через два и даже ни через три дня. Сережа уже боялся наступать на ногу, потому что это вызывало нестерпимую боль. Отек не увеличивался, но и не спадал, а тут еще приехавшая из деревни бабушка решила «полечить» любимого внука, приложив к ушибленной коленке грелку.

Сережа, у которого от заботы бабушки и тепла грелки боль стала уменьшаться, поначалу очень обрадо-

вался. Задремав, он даже не услышал, как в комнату вошел врач, сопровождаемый мамой, и тихо подошел к его кровати.

Откинув одеяло, он тот час же нахмурился.

— Кто догадался? — спросил он, кивнув в сторону Серезиной коленки, на которой лежала резиновая грелка.

— Так, это я, милый, и положила,— поторопилась сказать бабушка,— парень-то ведь совсем замаялся с этим своим коленом.

— Тепло ни в коем случае нельзя прикладывать! — нахмурившись еще сильнее, проговорил доктор.— Ведь вы только оказали мальчику медвежью услугу.

— Так...— снова начала бабушка,— в старину-то всегда...

— Нельзя! — строго повторил доктор, перебивая старушку.

Потом он принялся осматривать больную коленку, но Серезка буквально от первых же прикосновений задержался так, как будто его смотрел не врач, а било электрическим током.

— Рентген нужен, причем срочно,— сказал доктор.— Где же вы раньше были?

— Так,— стоявшая рядом мама развела руками,— никто не говорил нам про рентген-то. Мы думали, что все само со временем пройдет.

— Само это не пройдет,— покачал головой доктор, выписывая направление в рентгеновский кабинет. Потом он повторил свое требование:— Ни в коем случае не прикладывать к больному месту тепло,— и ушел.

Вечером нужные снимки были сделаны, благодаря папе, который на свой страх и риск отлучился с работы, оставив автоматизированное производство на молодого напарника.

После рентгена Серезку осматривали врачи уже в больнице, где он услышал незнакомые для себя слова «остеосинтез надколенника по Веберу», которых, конечно же, не понял. В этой же больнице его и оставили, и Сереза думал, что утром его отпустят домой. Но после завтрака к нему снова пришел отец, был он почему-то один, без мамы, и сказал, что без операции дело, судя по всему, не обойдется.

— Не реветь тут! — тот час пробасил он, увидев, что у сына губы расплзаются в привычной слезливой гримасе.— Ты без ноги захотел остаться? Ну-ка, выше нос!

— С наркозом сделают,— продолжил он,— ты ничего и не почувствуешь.

Но слово «наркоз» почему-то не утешило, а — наоборот — напугало Серезку еще сильнее. Правда, при отце он больше плакать не решился, зато, когда тот ушел, слезы хлынули из него с такой силой, что пришедшая с ужином санитарка сбегала за медсестрой. После успокаивающего укола поток слез стал потихоньку останавливаться, а потом и вовсе прекратился. Но ужинать Сереза в этот вечер так и не стал.

Потом к нему явился Вовка, увещательные слова которого тоже не оказали должного воздействия. А через день Серезе сделали операцию, которая, кстати, оказалась не такой страшной, как он себе представлял, и через пару недель выписали домой.

Какое-то время Серезка ходил только на костылях и только по дому. Русский язык и математику он потихонечку проходил с незнакомой ему учительницей, за которой в школе были «закреплены» те ученики, которые по той или иной причине не могли посещать школу. По остальным предметам ему, понимая ситуацию, выставили «четверки» авансом.

О том, чтобы заниматься хоккеем, действительно пришлось забыть, потому что Серезу даже от физкультуры на целый год освободили. Некоторые одноклассники, узнав об этом, в открытую говорили: «Везет тебе, Серега!», но в чем заключалось это «везение» Сереза не понимал. Ему так хотелось побегать, попрыгать, повисеть на шведской стенке и турнике, но вместо этого приходилось каждые три недели ходить к врачам, выполнять их предписания и делать бесконечные рентгены. А это Серезке так надоело, кто бы только знал!

... — Ребята, сегодня бежим восемьсот метров,— объявила учительница физкультуры Алла Сергеевна.— Это два круга вокруг школы.

Алла Сергеевна работала в школе с окончания института и, считалось, что физкультуру преподает она уже давно. Во всяком случае, сколько Вовка с Серезей учились, они видели ее постоянно. Обычно на Алле Сергеевне был надет либо синий спортивный костюм, либо красный, на котором, подобно форме олимпийцев, красовался белый узор, а сзади такими же белыми большими буквами было на английском языке написано слово «Россия».

Когда Вовка был маленьким, он, гуляя на улице, частенько забегал на школьный двор, потому что в самом дальнем его углу стояли качели, на которых он любил покачаться. При этом он воображал себя то летчиком, ведущим огромный серебристый лайнер сквозь густые облака, то космонавтом, который летит на ракете далеко-далеко от земли, и мимо него проносятся кометы и астероиды. Причем чем сильнее он раскачивался, тем выше в его воображении была скорость пролетающих мимо него космических тел.

Качаясь взад-вперед, Вовка иногда видел, как из школы выходила красивая высокая женщина в спортивном костюме, причем выходила не одна, а с ребятами. Они начинали делать разные упражнения или занимались бегом на время по расчерченному голубой краской асфальту, а красивая черноволосая женщина при этом свистела в свисток, как самый заправский судья на матчах по футболу, которые периодически смотрел по телевизору папа.

Проше, когда Вовка стал учиться в школе, он тоже стал выходить на улицу вместе со всеми во время уроков физкультуры. И так же, как все, он бегал, прыгал, лазил по железным лесенкам и ходил по бревну.

С Аллой Сергеевной, как с учителем, он познакомился уже поближе. И хотя Вовка был очень подвижным мальчиком и уроки физкультуры никогда не пропускал, Аллу Сергеевну он недолюбливал. Он даже сам себе не мог ответить на этот вопрос, почему учительницу музыки — некрасивую, но очень добрую Веронику Матвеевну, которая, при всей своей неказистой внешности, обладала мягким приятным голосом — он просто обожал. К симпатичной же Алле Сергеевне, которая вроде бы ничем его ни разу не обидела, он испытывал то ли нелюбовь, то ли неприязнь...

В этот раз, взглянув на девочек, Алла Сергеевна хотела было снизить им количество метров, но потом, подумав про себя, что детям и так приходится много сидеть за партами, решила: «Пускай бегут наравне с мальчиками». Тем более восемьсот метров с любой точки зрения — расстояние не ахти какое большое.

Вовка, которому пробежать указанную дистанцию ничего не стоило — он легко преодолевал куда большее количество кругов вокруг школы, — посмотрел на Сережу. Тот сосредоточенно осматривал дорожку, по которой обычно бегали все ученики, и, видимо, прикидывал, сколько ему потребуется времени, чтобы преодолеть указанное расстояние. На время он уже давно не бегал, поэтому, видимо, растерялся от мысли, что все остальные его с легкостью обгонят.

— На старт! — скомандовала в это время Алла Сергеевна, поднимая правую руку вверх. — Внимание! — И затем, выдержав небольшую паузу, резко опустила руку вниз и при этом громко крикнула: — Марш!

Рванувшиеся с места шестиклассники сначала бежали все вместе, потом мальчики стали потихонечку вырываться вперед. Все, кроме толстого Петьки, который из-за своей комплекции не мог бегать быстро и на всех соревнованиях по бегу неизменно приходил к финишу последним. Когда же речь заходила о состязаниях школьного или городского масштаба, Петьку вообще не брали участвовать, потому что знали, что, благодаря этому увальню, весь класс, а то и вся школа, непременно «завалит» все мероприятие.

Вовка, который поначалу вырвался в передовики, почему-то оглянулся на Сережу и увидел, как тот, не пробежав даже небольшого расстояния, стал отставать. Сбавив скорость, Вовка пропустил вперед не только мальчишек, но даже некоторых девочек.

Когда Сережа догнал его, Вовка понял, что тому пробежать назначенную дистанцию будет очень даже непросто. Вовка побежал рядом и стал подбадривать своего друга:

— Давай, Серый, ты же можешь. Ну, давай, не тормози.

Сережа, который после таких слов вроде бы прибавил в скорости, внезапно резко затормозил и, взглянув на Вовку, сказал каким-то натужным голосом:

— Вован, оставь меня. Ты лучше беги вперед, а то так совсем отстанешь.

Но Вовка, который словно пропустил слова друга мимо ушей, вперед не побежал. Наоборот — он сбавил скорость движения настолько, что со стороны можно было подумать, что он пришел заниматься сюда бегом трусцой, причем исключительно для своего собственного удовольствия, но уж никак не для того, чтобы бежать кросс.

— Давай, Серега, — то и дело повторял он, — ведь ты же раньше бегал, ну не стой, прошу тебя.

— Да я уже давно столько не бегал, — прерывающимся голосом сказал Сережа, и снова повторил: — Ты сам давай беги уже, не жди меня.

Вторично не обратив на произнесенные другим слова ровно никакого внимания, Вовка продолжил тихонечко бежать, неустанно подбадривая Сережку.

В этот момент их обогнали те, кто вышел уже на второй круг. Увидев Вовку, медленно бегущего рядом с Сережей, некоторые удивленно закричали прямо на ходу:

— Вовчик, ты сегодня в отстающие записался? Чего плетешься, как хвост?

— Отстаньте уже, — огрызнулся на них Вовка, а сам, повернувшись к Сереже, продолжал:

— Серый, давай, не обращай на них внимания. Только не останавливайся, встанешь — потом совсем трудно будет с места сдвинуться.

— Давай, Вован! — закричали ему быstroногие одноклассники, среди которых «Вован» сейчас по логике вещей и должен был находиться. — Мы тебя ждать не будем!

— Никто и не просит! — то ли с насмешкой, то ли с ехидцей ответил им Вовка. — Что я вас держу, что ли?

Другие ребята, бежавшие второй круг, увидев Вовку, который чуть ли не шел пешком около семенившего с ним рядом Сережи, ничего не сказали. Внутри они, конечно, радовались, что один из лучших бегунов класса, находится в самом «хвосте», а значит — одним сильным соперником у них уже было меньше.

Сережа очень шумно дышал и даже, как показалось Вовке, стал немного прихрамывать, когда они сделали заход на второй круг. А ведь впереди было еще целых четыреста метров!

Вовка покрутил головой по сторонам, поискав глазами Аллу Сергеевну. Она отошла к полосе препятствий, которая находилась довольно далеко от бегущих кросс ребят, и, судя по всему, разговаривала с кем-то по мобильному телефону.

«Что она не видит, что ли, что Сереге трудно бежать, — подумал Вовка, — ведь она же знает, что у него прошлой зимой операция была. Да и не бегал он уже давно все эти кроссы».

«Что с того,— продолжал он размышлять про себя,— что Серый сейчас опять ходит с нами на физкультуру? Ведь он же действительно здорово отстает от нас хоть в прыжках, хоть в беге. Да во всем отстает, если разобраться. Ведь он целый год не занимался!»

Однако Алла Сергеевна, скорее всего, видевшая их, но даже не прекратившая своего — видимо исключительно важного — разговора, не проявила никакой реакции.

Вскоре их догнал даже толстый Петька, который тяжело дышал и поэтому решил просто пройти шагом небольшой отрезок пути. Он обрадовался, что в компании отстающих он на сей раз был не один, о чем свидетельствовало его довольное лицо.

— Ребята, я с вами,— радостно сообщил он, примкнув к Вовке с Сережей.

Но Вовка, не обращая на Петьку никакого внимания, продолжал фактически бежать на месте рядом со своим другом.

— Вован,— Сережка умоляюще посмотрел на него,— двойку ведь поставят, беги, ты хоть чуть-чуть время нагонишь.

Вовка, насупившись, посмотрел на него и, продолжая трусить рядом, не переставал подгонять:

— Давай, Серый, ну давай, ну хоть как-нибудь, но шевелись.

Они приблизились к углу школы, в то время как с другой стороны здания показался сначала один, затем другой, затем третий бегун, которые закончили бежать кросс самыми первыми.

Постепенно начали подбегать и другие ребята. Петька же, увидев, что теперь даже он будет не последним, внезапно рванул с места и довольно резво для себя преодолел весьма внушительный отрезок пути. Потом, оглянувшись назад, он увидел, что Вовка с Сережей так и ползут вдвоем на почтенном расстоянии, и сообразил, что даже если остаток времени он пройдет самым обычным шагом, они его уже не догонят. Поэтому он неспешно стал двигаться дальше, внутренне радуясь за то, что ему в этом забеге выпал неожиданный реванш.

Когда Вовка с Сережкой преодолели финишную черту, весь класс уже стоял группой. Петькино лицо светилось нескрываемой радостью оттого, что в этот раз он не прибежал последним, а на Сережку было просто жалко смотреть. Лицо у него было красным, и было видно, что эти два круга, которые не представляли большого труда даже для девочек, дались ему очень и очень тяжело. Видимо, нога, из-за которой Сережка целый год не ходил на физкультуру, тоже дала о себе знать. Да и неизвестно, одолел бы он вообще эти два круга, если бы не Вовкина поддержка.

А Вовка, помощь которого Сереже уже не требовалась, отошел к турнику и теперь нервно ходил вокруг него, приминая недавно вылезшую из-под земли травку своими кроссовками. Некоторые ребята отвернулись, понимая насколько было несправедливо заставлять одноклассника, который перенес операцию на коленке, бежать наравне с другими. Но вслух никто ничего не произнес.

Алла Сергеевна начала объявлять оценки.

— Филиппов, Смирнов и Сенников,— с довольным видом улыбнулась она прибежавшим первыми мальчикам,— однозначно пять.

Все трое мальчишек, фамилии которых только что прозвучали, на глазах у всех обнялись и дружно выкрикнули: «Ура!» три раза.

Потом Алла Сергеевна назвала еще несколько фамилий, в числе которых прозвучала даже Петькина, который сразу же начал горделиво улыбаться. По данным секундомера, который Алла Сергеевна продолжала держать в руках, они пробежали дистанцию на «четверку».

— Ну, а вы, двое,— обратилась учительница к Сереже с Вовкой,— получаете по «тройке». Вообще-то,— добавила она, прикусив губу и прищуриваясь, по нормативу вы оба укладываетесь только в отметку «два». Но сегодня день такой ясный и солнышко так светит,— она подняла свои глаза на небо, откуда действительно ярко светило солнце,— что уж так и быть, дарю вам по «тройку».

— Кстати, ты,— Алла Сергеевна посмотрела на Вовку,— зря не пробежал кросс, как следует. Оценочка-то за четверть у тебя теперь будет явно не отличная. И чего ради? — явно не понимая Вовкиного поступка, спросила она, пожимая при этом плечами.

Затем она повернулась к девочкам, чтобы объявить им их оценки, чем дала понять Вовке и Сережке, что с ними разговор уже закончен и возвращаться к этой теме она больше не собирается.

Сережа уныло поплелся в школу. Если бы он даже пробежал этот злосчастный кросс на «двойку», у него и так вышло бы три за четверть, но тон Аллы Сергеевны, а главное — осознание того, что Вовка ради него пожертвовал собственной отличной оценкой, заставило его покраснеть. Насмешливое «чего ради?» все продолжало звучать в его ушах и никак не хотело убираться восвояси. Даже не «кого», а «чего», словно он, Сережа, был какой-то вещью, а никак не человеком.

— Вовчик... — начал он, когда Вовка приблизился к нему и пошел с ним вровень,— ну зачем ты это сделал? Ведь теперь тебе физра испортит всю годовую успеваемость. А ты ведь в секцию ходишь. Зачем ты, правда, а? — повторил он, поблескивая повлажневшими глазами.

— Серый,— произнес, остановившись, Вовка,— да оставь ты ее в покое, эту «пятерку»! Чего она тебе далась-то? Ну, подумаешь, ну, успеваемость... главное-то ведь совсем не в ней.

— А в чем же? — поднял глаза Сережа. Сам он в последнее время учился довольно посредственно, поэтому в его воображении Вовкин поступок казался ему чем-то из рода героизма. Привыкший радоваться да-

же четверкам «с вожжами», он никак не мог взять в толк, как можно добровольно согласиться на более низкую оценку, тем более — как совсем недавно произнесла Алла Сергеевна — чего ради? Ради него, и так не блещущего хорошими оценками?

— Глупый ты,— с отеческими нотками в голосе, совсем так же, как иногда говорил ему отец, произнес Вовка. А потом, обняв окончательно опешившего друга за плечи, спросил с решимостью:— Мы, что, разве не мужики с тобой? — совсем так же, как он это когда-то давно спрашивал у Сережки в больнице.

— Ну, м-м-м-мужики,— замаявшись, протянул Сережа.

— А мужики,— Вовка высвободил руку,— должны всегда поддерживать друг друга. Запомни.

— Запомнил? — Он легонечко щелкнул друга по лбу.

— Запомнил,— вздохнув, улыбнулся Сережа. Хмурое выражение потихонечку стало исчезать с его лица, хотя он с какой-то виноватой улыбкой так и продолжал смотреть на Вовку.

— Ну, вот и ладно,— удовлетворенно сказал тот, подходя к входу в школу,— ведь самое главное — ты пробежал этот кросс. А остальное,— философски закончил Вовка,— меня интересует,— он помедлил и смешно наморщил нос,— остальное меня интересует... ровно на ноль целых, ноль десятых процента. И, надеюсь, ты это запомнил тоже.

С этими словами Вовка перешагнул школьный порог и направился к раздевалкам.